

Император скучал.

Взгляд зеленоволосого мальчика небрежно скользил по подсовываемым премьер-министром бумагам, которые требовали ратификации лично государем. Бесконечное утверждение высочайших наград (сегодня — опять за подавление недавнего бунта в Столице или, наоборот, приказы на снятие с должности и тюремное заключение для каких-то глупых дворян, зачем-то замаравших себя в связях с мятежниками). Скука... Завтра — стопка унылых прошений и жалоб от столичных и провинциальных лордов или ещё более занудный закон (вредные старики из Палаты лордов будто бы специально составляют их так, чтобы глаза слипались после первого абзаца), который нужно одобрить/наложить вето — всё это нагоняло зевоту и меланхолию.

Оно и не удивительно. Разве может вызывать иные чувства эта регулярная рутина, на которую он — всего лишь ребёнок, пусть и Император — никак не способен повлиять?

Вернее, он мог бы проявить характер и отказаться ставить печать на какой-либо бумаге. Но что это изменит? Он может что-то одобрить или не одобрить, но сами приказы составляются не им, да и знает он о новых указаниях лишь то, что там написано и что ему говорит верный Онест, каковой, являясь главой правительства, и несёт на себе основную бюрократическую нагрузку. В итоге Министр, которому приходится работать значительно больше, опять пожурит раскапризничавшегося Его Величество, объяснит, что к чему, угостит сладким, подберёт какое-то новое развлечение...

И всё вернётся на круги своя.

Становясь старше, мальчик всё чаще ощущал себя не главой Империи, а каким-то автоматом, нужным лишь для сидения на троне и шлёпанья утвердительных или запретительных печатей на подносимых к нему указах. Впрочем, он не спешил возмущаться и менять манеру поведения оторванного от жизни ребёнка. Макото сизмальства любил историю своей страны, сначала слушая, а потом и читая о славных победах Императоров и военачальников прошлого. И пускай он, как и любой мальчишка, больше увлекался славными битвами с иноземцами и монстрами, а библиотека юного любителя преданий о свершениях предков фильтровалась от «скучной политики», время от времени на глаза всё равно попадались и записи о внутренних процессах в его стране. Заговоры, интриги, слабые правители, становящиеся проводниками воли кучки жадных вельмож...

С некоторым холодком юный государь узнавал в описаниях ряда слабовольных, зависимых, правящих лишь формально Императоров и себя.

Он, разумеется, признавал, что ещё слишком неопытен и недостаточно знает, дабы самолично управлять Империей, а добродушный и смешливый Онест, который фактически его вырастил и которому юный государь симпатизировал, мало походил на злого вельможу — но вопросы всё равно возникали. Так однажды, вновь задумавшись над своим положением, мальчик пришёл к выводу, что если премьер-министр — злой, то ему и положиться не на кого: ведь все остальные тоже не заслуживают доверия.

Строгого и сурового Будо маленький Макото не понимал и побаивался. Министр внутренних дел Сейги любил ругать всех окружающих — но и только: никаких внятных предложений или личных инициатив Император от него не слышал, только критику других. Старый Ёкан — министр культуры и просвещения — пусть и умел красиво говорить, а также писал стихи и песни, но вызывал какое-то подспудное отвращение, даже сильнее, чем погибший от несчастного случая весёлый и улыбчивый министр обороны Кокэй. Министр разведки Сайкю так вовсе походил на какого-нибудь типичного интригана из театральной пьесы.

И остальные не лучше.

Придворных несовершеннолетний Император вовсе не учитывал: странным образом вокруг него собрались личности исключительно пустые и льстивые. Только премьер-министр положительно выделялся на этом безрадостном фоне неприветливых, неприятных или неумных — даже с точки зрения ребёнка, что показательно — личностей.

Получалось, что если всё плохо, то он, якобы хозяин страны — не более, чем птица в золотой клетке Дворца, изолированная от остальной Империи. Не на кого положиться, не от кого узнать истинное положение вещей, не на кого опереться, дабы начать что-то менять, не от кого ожидать защиты...

Страшно.

Поэтому мальчик предпочитал не думать о такой возможности. В конце концов, даже если Министр окажется не таким хорошим человеком, как выглядит, он всё равно будет его

защищать — как гаранта своего нынешнего высочайшего положения.

— Вот, ваше величество, поставьте печать здесь, — Онест положил на стол новую бумагу.

Император со вздохом придвинул её поближе.

Поймав взгляд Макото, толстый министр добродушно улыбнулся в усы.

— Вы утомились? Ничего, ваше величество, осталось совсем немного, — сказал он, откусив кусочек своего любимого чуть подвяленного мяса, — и мы вместе сможем отправиться на обед. Вы же не хотите оставить верных вам и Империи людей без награды, а смутьянов и предателей без наказания?

— Конечно, нет! Мой долг Императора — воздать по заслугам каждому! — воскликнул мальчик, поймав странный взгляд от Министра.

— Ку-фу-фу, — рассмеялся Онест, — похвальная самоотверженность, ваше величество. Значит, мне не нужно отменять вечернюю церемонию вручения наград?

— Опять будут приходить эти скучные старики, — вздохнул парнишка, которому церемонии награждения успели надоесть ещё в детстве. Ну, то есть, когда он был совсем маленьким. Постоянно говорить и выслушивать одно и то же — невероятно скучное занятие.

Взгляд юного венценосца, ставящего очередную печать, зацепился за очередной указ о награждении. На этот раз одному из министерских функционеров жаловалась земля близ Столицы. Причём, как Император смутно припоминал, с неделю назад это владение отобрали у рода каких-то предателей.

— Министр... люди правда недовольны моим правлением? Если у нас прямо рядом со стенами моего Дворца начался такой опасный бунт, то, значит, было много недовольных, верно?

— Ну что вы, ваше величество! — всплеснул руками Онест. — Народ вас любит, ку-фу-фу. Бунтовали бандиты и бродяги, которые вместо честного труда на благо Трона решили снюхаться с мятежниками и вместе устроить грабежи и погромы. Мы быстро с ними разобрались. Если бы не добровольные и невольные помощники бунтовщиков среди владельцев и политических авантюристов, то наш отважный предводитель столичной полиции, Огр, справился бы с преступниками в первый же день. К сожалению, этих говорунов, вечно желающих получить лишний кусочек влияния или популярности, слишком много, — министр жадно вцепился в своё мясо. — Мы, верные слуги вашего величества, неустанно боремся за порядок и благосостояние в вашей Империи, но вы сами знаете, как нам мешают эти популисты из Палаты лордов. Очень грустно, что наша аристократия ставит свой комфорт и свободу выше государственной необходимости и блокирует все «посягательства», якобы направленные на них.

— Но если этот мятеж маленький и ненастоящий, то зачем тогда столько наград? — любопытно спросил Макото, которому эта тема была много интереснее вредных стариков из Палаты лордов, на обсуждение которых хотел перескочить Онест.

— Нужно демонстрировать верным вам людям, что их труд ценят, — разрывая крепкими зубами новый кусок чуть подсолённого, почти что сырого мяса, ответил премьер-министр, с виду ничуть не расстроенный тем, что не смог ещё раз покритиковать имперский парламент.

— Но разве нельзя позвать на награждение кого-нибудь не такого скучного, как новый кланяющийся старик?

— Ку-фу-фу, — добродушно хохотнув, Онест огладил бороду и хитро посмотрел на своего подопечного. — Неужели вам так надоел этот старик, что вы не хотите видеть других?

— Ну что вы, Министр! Вы ещё совсем не старый!

— Рад, что ваше величество так считает, — сложив руки на упитанном животе, с улыбкой сказал Онест. — Кого же вы хотели бы наградить, если не секрет?

— Хотя бы ту воительницу, Куроме, — ответил Макото, который, пусть вначале и отнёсся к сестре Кровавой Акаме с некоторым предубеждением, но после личного знакомства резко

изменил заочно сформированное мнение.

Редко в чьих глазах ему удавалось заметить не подобострастие слуг, благоговение простых служак, случайным ветром занесённых пред очи государя, или сокрытое за дружелюбием желание использовать, что читалось на лицах придворных, а искреннюю симпатию и отношение, словно к равному. Со скидкой на разницу в статусе, разумеется. Он даже пригласил почти ровесницу на празднование своего дня рождения, желая увидеть хотя бы одно настоящее лицо на фоне бесчисленных масок дворян.

К сожалению, самая молодая в Империи владелица тейгу в ранге Мастера Боя оказалась вынуждена отправиться на край страны, дабы защитить её жителей от чудовищ, бунтовщиков и бандитов.

Первое время Макото интересовался у Онеста судьбой новой знакомой, однако, обидевшись и засмущавшись от его шутки по поводу проснувшегося мужского начала, перестал заводить разговоры на эту тему. По прошествии нескольких недель встреча забылась, а темноглазая воительница, вытесненная новыми впечатлениями, вылетела из головы, однако волна слухов об ученице Будо, порождённая дошедшими до Дворца новостями, коснулась и ушей Императора, который быстро вспомнил о забытом интересе.

Куроме не скучная, поболтать с ней о сражении со всамделишным древним чудовищем будет в сто раз интереснее, чем участвовать в очередной церемонии награждения или отдавать высочайшие приказы на казнь.

И... он слышал, как Будо говорил, что Куроме сильная и быстро развивается. Может, удастся наладить с ней отношения и получить верную и могущественную приближённую. У всех успешных Императоров прошлого были такие — значит, это важно. А во времена ранней и средней Империи все хозяева Императорских Артефактов и вовсе входили в прославленный орден Имперских Рыцарей, который подчинялся лично монарху. Жаль, что он перестал существовать после восстания Чёрного Принца...

Юный государь, несмотря на свою молодость, не считал себя глупым ребёнком и понимал, что в нынешней ситуации просто так заполучить человека-армию ему не позволят. Неважно, какие за этим стоят причины, но то, что его ограждают от многих вещей — данность.

И всё же он — Император! Он сможет посеять нужные семена и в будущем выйти из-за широкой спины опекающего его Министра!

— Я слышал, что на Северо-востоке она сумела победить могучего монстра, уничтожить бандитов и заговорщиков, — продолжил зеленоглазый мальчик, встретившись с выжидающим взглядом жёлтых очей Онеста. — Разве такое свершение не достойно моей награды больше, чем победа над взбунтовавшимися бродягами?

— Вы Император, ваше величество, только вам решать, кто более достоин, — с видом доброго дедушки ответил Онест.

Мысленно же толстый министр просчитывал ситуацию, размышляя, к какому решению подтолкнуть мальчишку. Премьер-министр уже давно и в подробностях узнал о деятельности спецгруппы Сайкю на территориях Северо-востока, кои, несмотря на попытки их опорочить и принизить, вроде раздувания той истории об угрозе центральному городу Ван сразу двумя высокоранговыми монстрами, сработали на удивление чисто и эффективно. У него имелись иные планы на будущее региона, однако в целом произошедшее не так уж и плохо. Так или иначе, региональная дворянская вольница, несмотря на ропот в Палате лордов и вой в газетах, оказалась загнана в стойло. Не так хорошо, как хотелось бы, но зато практически без затрат времени и ресурсов, кои можно пустить на иные задачи.

Сайкю со своими людьми вновь показал свою... полезность. Но в том-то и крылась загвоздка.

Глава Службы разведки, приказом Онеста бездействовавшей в Столице, сумел очень хорошо показать эффективность своего ведомства по сравнению с иными подчинёнными премьер-министру структурами. В сердце страны, где разведку отстранили от действий по подавлению криминальных войн и спровоцированных ими волнений, всё словно по контрасту получилось... не слишком удачно. Беспорядки, бои, перестрелки, перегибы полиции и вытекающий из того высокий уровень недовольства населения.

Задумка спровоцировать новую более-менее одобряемую волну чисток, как после сингстримской бойни, если и не провалилась полностью, то значительную часть возложенных на себя надежд не оправдала. Полученные выгоды сопровождались различными материальными и репутационными потерями, поэтому вместо приобретения вещественных и политических благ вышел почти равноценный размен плюсов на минусы.

Зато Северо-восток вместо того, чтобы в соответствии с планами и прогнозами взорваться усобицей, неожиданно успокоился. Остатки Волны ликвидированы, один из родов-смутьянов получил порку и всеми силами показывает, что исправился. Второй, береговой род, который сначала притих, а потом, после ухода Сюры из тех мест, вновь начал готовиться к схватке, под голодными взглядами остальных сил региона, как-то подозрительно быстро нашедших путь к консенсусу, тоже начал активно заявлять о лояльности Центру, дабы не оказаться удобным общим врагом для новообразованного «союза верных». Рейтинг наместника — ещё недавно почти потерявшего поддержку и стоящего на краю свержения! — сейчас как никогда высок.

И это всё — без перестрелок в центральных городах, перегибов полиции и чуть ли не под радостные крики поддержки со стороны простолюдинов!

Разве что тот случай с появившимися рядом с дворцом Ван двумя монстрами Ультимейт-класса несколько выбивается за рамки. Но и эта молчаливая угроза вполне вписывается в общую тактику. Демонстрация подавляющей силы — которую готовы применить не где-нибудь, а конкретно против привыкшего к своей неуязвимости старшего лорда — всегда здорово охлаждает горячие головы зарвавшихся феодалов. Экономические и политические потери в Игре, а также утрата части пешек, конечно, всегда неприятны, но такого отрезвляющего чувства, как угроза собственной жизни, подобные потери, привычные для политиков, не вызывают никогда.

Очень красивое завершение операции, которое проняло не только Ван и их соседей, но и столичную аристократию: никогда ранее про-консерваторская, либеральная и даже откровенно революционная пресса не выступали единым возмущённым фронтом. Что это, если не роскошный комплимент Службе разведки и её лидеру?

И Куроме «Абэ», избранную на роль знаковой фигуры разведывательного ведомства, этот хват тоже сумел прорекламировать! Очень грамотно сменил имидж убийцы из печально известного Отряда Террора на отважную защитницу страны и народа, ученицу знаменитого и уважаемого генералиссимуса Будо, а кроме того — возможную наследницу кровной линии высших лордов региона. Даже различные слухи об отношениях этой мелкой лесбиянки с Будо или самим Сайкю лили воду на мельницу данных изменений: не станут же столь уважаемые люди интересоваться пустоголовой маньячкой?

Хитрая и опасная сволочь этот Сайкю, так и хочется его убрать. Но — рано: полезен ведь, поганец! Кое в чём так даже незаменим!

Однако насчёт того, что Сайкю решил подвести Куроме к Императору, глава правительства сомневался. Главшпион — тот ещё перестраховщик. И после конфликта девчонки с сыном премьера — не таким бестолковым, как Онест считал раньше, но всё столь же склонным идти на поводу своих эмоций и спонтанных порывов — он бы не рискнул мозолить глаза Сюре и его отцу, так явно подводя её к мальчишке.

Источник распространения слухов вполне прозрачен: подхалимы Будо решили подольститься к старому дураку через восхваление его, фу-фу, ученицы на месяц, которую обучение у «гениального наставника» якобы вывело на новый уровень. При всей своей показной суровости, командующий отнюдь не чужд тщеславия; да и помахать кулаками, пусть и столь опосредованно, через «воспитанницу», оказался рад. Потому речи подхалимов не встречали сопротивления — совсем наоборот.

Как знал Онест, Будо даже делал высказывания о том, что ученице не мешало бы прийти и засвидетельствовать почтение наставнику, а потом, быть может, продолжить столь продуктивные занятия.

Разумеется, это естественным образом подняло старые сплетни о том, что повелитель молний, которого потянуло на молоденьких, обучал свою пигалицу и на постельных полигонах. И, естественно, это не понравилось Будо, который с «грацией» вояки из рода вояк постарался слухи пресечь — что, как и в прошлый раз, вызвало строго обратный эффект. Ничему этот старый дурак не учится!

В итоге о генералиссимусе, его новой ученице, её с ним взаимоотношениях, а также реальных и вымышленных заслугах и грешках дружно сплетничали и лакеи, и придворные, и гвардейцы.

То, что всё это дойдёт до ушей Императора, предсказуемо являлось лишь делом времени.

То есть за вновь вспыхнувшим интересом мальчишки к понравившейся девочке — вот ведь нашёл на кого положить глаз, маленький негодник! — стоит случай. И раз так сложилась ситуация, то им можно воспользоваться. Аккуратно подтолкнуть эту убийцу — формально навстречу мальчишке, но реально под руку к себе, с дальнейшей перспективой полностью вывести из орбиты много возомнившего о себе министра разведки.

Почему нет? Тем более что самому Онесту для этого не придётся прилагать ни малейшего усилия.

С Сайкю в будущем придётся расстаться, и заранее подготовить почву, дабы перехватить у него полезный инструмент — совсем не помешает.

Сама хозяйка Яцуфусы, в отличие от сестры, показывала вполне понятные Онесту желания, как то: амбициозность, тягу к материальным благам и высокому статусу. С этим можно работать. Их возможную связь с подрастающим мальчишкой премьер-министр за угрозу не считал. До него доходила информация, что девчонка не интересуется противоположным полом, но если даже она не стопроцентная лесбиянка, то её стерильность — хорошая гарантия от появления ублюдков. Проживёт она тоже недолго, то есть перспективы перехватить рычаги влияния на Императора через возможную фаворитку — крайне сомнительны.

А подарки и награды... даже если мелкая убийца забудет о своих предпочтениях и прыгнет в императорскую постель, и даже если мальчишка пожалует своей первой постельной игрушке земли, деньги и что угодно ещё, после её смерти всё это вернётся обратно в казну. Тот редкий случай, когда можно легко и с удовольствием проявлять щедрость... возбуждая в не столь удобных подданных жадность и жажду выслужиться.

Конечно, Онест сомневался в таком, ку-фу-фу, полюбовном исходе, но если всё пойдёт по данному сценарию, намеревался тщательно проверить потенциально допущенную к высочайшему телу особу... довольно сомнительную, как ни погляди. Однако и принципиального отторжения она у него не вызывала. Просто ещё один инструмент, который может пригодиться или, при неправильном обращении, навредить. Сколько таких было, сколько есть и будет...

Да, пожалуй, стоит дать мальчишке почувствовать свою поддержку и готовность позволить распоряжаться самому. В установленных Онестом рамках, разумеется.

Разговор с малолетним Императором тем временем тёк своим чередом. Венценосный мальчишка, получив новую забаву, ожидаемо загорелся энтузиазмом. Но когда дело дошло до конкретики, быстро «сдулся» и обратился за подсказкой к старшему мужчине.

— Министр, мне нужно приказать написать такую же бумагу? — с лёгкой растерянностью на лице юный Император взмахнул наградным указом. — И если да, то, что там следует указать? Тоже землю? Или лучше повышение и денежная награда?

— Ку-фу-фу! Думаю, не нужно так спешить, ваше величество, — словно добрый дедушка любопытному внуку, ответил Онест. — Вы — Император. Вы можете вызвать интересную вам особу без соблюдения формальностей. И разве вам не интересно узнать, что среди возможных поощрений выберет она сама? — сказал упитанный высший чиновник, которому этот момент тоже небезразличен (но совсем не из праздного любопытства).

То, чего желают люди и то, как они это просят — очень многое говорит об их личностях. Это не говоря уже о самом факте возможной награды, который можно использовать в их партии с Сайкю.

— Тогда я приказываю вам, Министр, чтобы её пригласили на вечернюю аудиенцию в малый тронный зал, — с важным видом, но при том с детскими, ждущими одобрения глазами на юном лице, проговорил Император.

— Будет исполнено, ваше величество, — поклонился ему довольный Онест.

* * *

Ночной Рейд собирался на обед.

Пришедшая пораньше Надженда перебирала бумаги, время от времени делая затяжку или отпивая из наполовину пустого стакана с янтарного оттенка крепким алкоголем. Почти совсем уже выздоровевшая Шелли также сидела за столом, борясь со скукой посредством чтения прессы. Булат, Акаме и присоединившаяся к ним Леоне расставляли посуду. Лишь Лаббак и Майн пока не соизволили появиться, но и они вряд ли сильно задержатся.

Стоило признать, что некогда навязанная Наджендой процедура совместного принятия пищи, призванная сблизить собранную под её началом разношерстную компанию «фриков с тейгу»,

уже давно превратилась в самоподдерживающуюся традицию. Да и Ночной Рейд, несмотря на внешнее отсутствие порядка и разношёрстность, превратился в самую настоящую боевую группу. Да, по факту, группу наёмных киллеров — пусть и принимающих заказы исключительно у прореволюционных сил — зато сильнейших и опаснейших киллеров в Империи!

Есть чем гордиться.

Лидер Рейда благодарно кивнула бывшей имперской убийце, поставившей перед ней тарелку, после чего вновь вернулась к бумагам. На лице генерала-отступницы промелькнула едва заметная улыбка. Пускай обстановка не давала особых поводов для радости, но Надженда и её команда — сильны, сплочены и готовы встретить любые неприятности. Чем не причина для хорошего настроения?

Пошедшие на спад волнения в Столице ознаменовались усилением давления полиции, стремящейся как можно быстрее погасить последние очаги беспорядков. Это логично повлекло за собой очередную волну массовых арестов виновных, причастных, а чаще просто неудачников или жертв доносов. Настоящие революционеры в сети полиции если и попадали, то редко. В частности, сотрудничающие с её организацией ячейки — те, которые уцелели после двух последовательных чисток — достаточно хорошо освоили конспирацию, чтобы не попасться по глупости; а если кто и оказывался в лапах коррумпированного правосудия, то не терял голову, отягощая или подтверждая свою вину, а действовал по составленной для таких случаев методичке.

И часто вскоре вновь оказывался на воле. Тем или иным образом.

Однако незримая война остаётся войной, а та, в свою очередь, всегда славилась порою абсурдными, порой смешными, а подчас и трагичными случайностями. Кому, как не бывшему генералу имперской армии, это знать? Вот и читала Надженда свежую партию донесений и развединформации, чтобы не подставиться, за бесценок влипнув в неприятную историю, как это произошло в Сингстриме или, если рассматривать недавние события, в Столице, когда в столкновении с нынешними союзниками её Рейд чуть не лишился двоих своих членов: получившей травмы Шелли и лишь чудом избежавшей смерти — даже заметных ранений! — Майн.

Вскоре в столовой появилась означенная розоволосая особа. Взглянув на погружённую в чтение Шелли и высокомерно фыркнув на излишнюю, с точки зрения бывшей беспризорницы,

тягу подруги к скучным газетам, юная снайперша пристроилась рядом. Последним подоспел Лаббак. Плюхнувшись на своё место, бывший офицер из рядов подчинённой Надженде дивизии тоже обратил внимание на читающую обладательницу фиолетовых волос и прямоугольных очков.

— Что новенького? — спросил он, не утаив любопытства.

— ...

— Эй, Шелли, очнись! — повторил оставшийся без ответа парень.

— А? Что? — встрепенулась та. — Лаббак, ты что-то мне говорил? — девушка в очках растерянно, с какой-то беззащитной милотой, улыбнулась. — Извини, пожалуйста, я не расслышала.

— И ничего не потеряла, — буркнула Майн. — Что может сказать этот бесполезный извращенец?

Теперь пришла пора уже зеленоволосому повелителю тейгу-нитей игнорировать свою собеседницу.

— Хотел узнать: что нового пишут в газетах? — повторил он, «не услышав» выпад мелкой розовой занозы.

— У Империи появился ещё кто-то сильный и злой, — поправив очки, ответила Шелли. — В «Независимой газете» её называли Повелительницей Падали. Она управляет мёртвыми и натравила на центр большого восточного города двух чудовищ Мегакласса.

— Терпеть не могу воевать с милыми девушками, — поморщился Лаббак.

— А с чего это ты, тупица-извращенец, решил, что она милая? Может, это страшилище? — прозвучал голосок Майн. — Или тебя потянуло на падаль?

— Больше слушай писак, — отмахнулся тот. — Забыла, чего они про Булата, мисс Надженду или Акаме насочиняли? И ты много видела страшненьких воительниц? Даже ты миленькая... когда молча спишь зубами к стенке, — с готовностью отбил парень.

— Гр-р-р! А ты — нет, идиот!

— Конечно, нет, — усмешка, — я мужественен и брутален! — согнув руку и напрягая бицепс, заявил Лаббак. — И чего это ты сегодня такая агрессивная, мелкая? Это у тебя после совместного посещения горячих источников с другими нашими дамами? — как бы невзначай Лаббак постучал пальцами по груди.

— Не твоё дело, извращенец! — с готовностью вспыхнула девочка, которая сегодня действительно пребывала немного на взводе. — Сам ты мелкий бесполезный червяк! Брутальный он... Ха-ха! Иди посмотри на Булата — и удавись от понимания собственной ничтожности! Зелёная лягушка со дна болот!

Тут бы началась обычная их с Лаббаком перепалка, но в разговор вмешалась показавшаяся из прохода на кухню Леоне:

— Сбавьте обороты, воркующие голубки, — усмехнулась блондинка, на что получила синхронный ответ.

— Да я с ним?! Никогда!

— Мелкие занозы мне не интересны! Моё сердце принадлежит мисс Надженде!

— Успокойтесь, — хихикнула Леоне. — А то уже как замужняя пара говорите.

Надувшаяся Майн резко отвернулась, только розовые хвостики взметнулись в стороны. Лаббак тоже не стал развивать тему: соперничать на этом поле с полногрудой старшей сестрой всея Ночного Рейда — только позориться.

— Шелли, что ты там говорила про живых мертвецов? — спросила блондинка у уже успевшей вернуться к газете соратницы.

Любительница прессы повторила.

— Та-ак, — после окончания рассказа девушки в очках, заинтересованно протянула Леоне. — Акаме, иди сюда! — крикнула она в сторону прохода на кухню. — Посмотри, не про твою сестру тут пищут?!

Спустя секунду алоглазая брюнетка материализовалась рядом с подругой. В руках она сжимала объёмистый казан, который тут же умостила в центре стола и с заинтересованным видом воззрилась на Леоне.

— Шелли рассказала, — ответила на молчаливый вопрос та.

— Можно? — протянув руку к газете, спросила Акаме.

— Сейчас, — отозвалась хозяйка всеразрезающего тейгу, по прихоти создателя похожего на огромные ножницы. — У меня есть две запасные газеты на случай, если порву или потеряю эту. Вот, — протянула она требуемое. — Там прямо посередине большая статья с картинкой.

Коротко поблагодарив сокомандницу, Акаме раскрыла газету. Краем глаза она отметила, что Шелли передала второе издание также заинтересовавшемуся Лаббаку.

Образцовый, кладбищенский порядок, или Возрождение страшной сказки Востока. — Крупными буквами, пересекая весь разворот, вещал заголовок.

Справа под ним на Акаме и положившую голову на плечо подруги Леоне смотрел рисунок пустых домов и виднеющихся за ними ровных рядов могильных плит, по линейке уходящих вдаль, на заднем фоне проступало несколько неясных, но явно инфернальных теней. Ещё ниже начинался текст статьи.

«Официальная пресса и склонные доверять ей массы общественности рукоплещут, приветствуя рождение новой, отмеченной генералиссимусом Будо и министром разведки Сайкю юной звезды на небосклоне могучих воителей, состоящих на службе Империи. Некоторые экзальтированные издания уже успели наречь её и «второй Эсдес», и «защитницей Востока», и даже «героиней». Но кто же такая Куроме Абэ на самом деле? Является ли подлинной героиней эта юная хозяйка нечестивого меча, ранее неизвестная широкой общественности — неизвестная ли? — и недавно получившая ранг Мастера Боя? А если да, то в чём же заключается суть её «подвига» и ради кого он совершён?

Давайте разберёмся вместе.

Как хорошо знают наши постоянные читатели, передовая общественность Северо-восточной части страны, возмущённая повальной некомпетентностью и коррумпированностью имперской администрации, а также некоторые примкнувшие к ним владетельные лорды уже не первый год пытаются добиться смещения наместника, погрязшего в кумовстве, гедонизме и декадентстве. К сожалению, этот старый и верный сторонник хорошо нам известного премьер-министра Онеста остался непотопляемым, даже несмотря на голод в регионе, спровоцированный как безграмотными действиями самого Тайго, так и неумеренным рвением его родственников и приближённых. И это на фоне провальных попыток сдержать Волну монстров, опустошившую этот край, и без того пропитанный кровью простонародья, разбитыми надеждами предпринимателей и глухим негодованием прогрессивного дворянства.

Занятое могучим афедроном кресло, которое зашаталось под поднявшимися волнами недовольства аристократии, бизнеса и простого люда, почти подарило надежду на то, что приросшее к нему за десятилетия тело, наконец, освободит место для нового, молодого и прогрессивного управленца. Однако с нехарактерной для этой страны оперативностью кресло и занимающий его афедрон получили поддержку. В этой роли выступила недавно образованная, но уже успевшая заработать дурную славу Дикая Охота под предводительством Сюры — сына премьер-министра, получившего в свои руки один из артефактов Первого императора, и боевая группа из не менее одиозного Отряда Террора.

Да-да, наши дорогие читатели, именно из этого печально известного образования происходит новая «героиня»! И как вы уже догадались, несмотря на репортажи официальной прессы, скромно умалчавшей о таком «незначительном» факте, эти люди прибыли далеко не с целью

накормить голодных — или тем более пресечь произвол властей...»

Дальше Акаме прочла об устроенных Дикой Охотой бессудных расправах над «якобы сотрудничающими с контрабандистами» работниками порта и о запуганном ими роде Мизуна. Журналисты со смаком и множеством подробностей описали зверства Сюры, его безумной подружки и новых членов их группы: напавшего на администрацию порта убийцы и лишившегося господина самурая, который устроил кровавую резню во имя мести непонятно кому и зачем.

Но больше всего внимания журналист уделил, естественно, «убийцам из Отряда Террора и их командиру — повелевающему мёртвыми истинному чудовищу, что по какой-то насмешке природы выглядит как девочка-подросток». Разумеется, имперские каратели и их кровожадная командирша занялись излюбленным делом. Сначала выходцы из подземелий Службы разведки устроили «расследование», назначив виноватыми и, по каким-то совершенно смехотворным обвинениям, бессудно казнив множество политических противников Тайго. Или даже просто несогласных с политикой наместника и осмеливающихся об этом открыто заявлять честных людей. Затем, воспользовавшись средствами и провизией, добытыми из ограбленных и обречённых на голодную смерть владений, эти воистину демонические порождения экспериментов кровавых спецслужб подкупили ропщущих людей иллюзией вернувшейся сытости и стабильности.

Дальше — больше: «Повелительница Падали» под предлогом борьбы с монстрами собрала собственную банду головорезов. И чтобы окончательно отсеять и уничтожить воинов, пусть прельщённых золотом и обещаниями, но всё же имевших хоть какие-то зачатки совести и морали, от основной массы бандитов из горных кланов, мало от них отличающихся жестоких и воинственных лордов, а также жадных до денег наёмников, она натравила на них живое Бедствие.

После того, как выдвинутые на передний план «ненадёжные» воители оказались безжалостно разбиты о чудовище, убийца Куроме — которая в честь до сих пор поминаемого и проклиняемого приспешника Безумного Принца взяла себе фамилию Абэ — самолично уничтожила измотанное существо.

Могло показаться, что хоть этим карающая длань режима помогла несчастным жителям Северо-востока, но газета тут же уверила, что именно лишь показаться. Уничтожение монстра стало частью жестокого и изощрённого плана вторжения во владения рода Ван, который, наряду с Мизуна, являлся противником режима наместника. Да, являлся! Потому что эдлорду Хиро — смелому, но заботящемуся о доверившихся ему гражданах правителю — после появления в самом центре столицы его рода целых двух монстров S-класса, пришлось делать

выбор.

И этот убитый горем отец «пропавшего без вести» сына, который якобы оказался отступником и напал на группу имперских палачей, ради своих подданных был вынужден, смилив гордость и склонив голову пред ликом подавляющей силы и запредельной жестокости, выслушивать снисходительные повеления вероятной убийцы сына.

«...Таким образом, мы можем наблюдать предсказуемо кровавое восхождение ещё одного палача, которого официальная пресса зовёт героем и «второй Эсдес». В последнем ваш смиренный слуга склонен с ней согласиться. Ведь как Ледяная Смерть начала свой путь с уничтожения гордых и свободолюбивых племён Юга, так и вторая прекрасная ликом, но чёрная сердцем длань правящего режима «навела порядок», запугав или физически уничтожив всех несогласных и недовольных. Регион умиротворён. Там где раньше слышался ропот возмущения и недовольства, теперь властвует испуганное молчание на фоне могильной тишины.

И от себя добавлю: мне тоже страшно смотреть в будущее. Я не знаю, куда направилась Повелительница Падали. Но войска Ледяной Смерти сейчас маршируют на Север, чтобы огнём и мечом прокатиться по землям чужого королевства — уставшего терпеть колониальное иго и восставшего вслед за своим Героем. Пусть мы, жители Столицы, можем по-разному относиться к проблемам колоний и окраин, но когда падут они, придёт и наш черёд познакомиться не только со спущенной с цепи полицией, но и с такими вот «героями» проправительственной прессы.

И нам, сынам самой развитой и могучей державы в мире, пора уже перестать закрывать глаза на происходящее. Пора показать всем чудовищным «героям» правительственной гидры и их всем известному хозяину, что мы достойны наших великих предков и, сплотившись, сказать решительное «нет» тем, кто желает нас напугать и руками военных, полиции и спецслужб превратить гордый, свободный имперский народ в бессловесное, покорное стадо!

Вместе мы победим!»

— Да, это про сестру, — сложив газету и положив её на стол, внешне безучастно ответила бывшая имперская убийца и, сев за стол, придвинула к себе тарелку.

Пока Акаме и Надженда ели, между остальными забывшими об обеде рейдовцами разгорелось обсуждение новой потенциальной противницы. Майн самоуверенно заявила, что её Тыковка легко разберётся с некроманткой, просто снеся той голову издали. Шелли аккуратно заметила, что такая тактика срабатывает не на всех, отчего вспомнившая их провал снайперша смутилась и, напоказ пренебрежительно фыркнув, сосредоточилась на еде. Её место занял Лаббак, который на пару с Булатом стал прикидывать меры противодействия. Сошлись на засаде и внезапной атаке не готовой к бою, не успевшей призвать своих мёртвых слуг некромантки. Глава Рейда, растормошённая заинтересовавшей её темой Леоне, тоже подала голос, заявив, что никаких приказов из Штаба РА не поступало, а значит, строить планы, тем более действительно связываться с опасным врагом — как минимум преждевременно. Пока им требуется придерживаться старой тактики «умеренного непривлечения внимания».

Что касается Акаме, то закончив есть, она тоже поучаствовала в беседе, отвергая или принимая выдвинутые варианты: как возможные для реализации, так и сомнительные. Однако прежде всего она заявила, что Куроме займётся сама. Лично.

Истинные же эмоции брюнетки были далеки от безучастного спокойствия, привычно выдвинутого на передний план. В душе, подавляемый давно изученным и вросшим в суть навыком, бурлил сложный коктейль чувств. Она всегда верила в талант сестры, как и не сомневалась в её способности устроить форменную резню. Девушка хорошо запомнила свой шок, когда узнала об уничтожении всего населения восставшего города, произведённого, дабы выманить гарнизон мятежников, так же, как помнила безразличные глаза сестры. Для неё мирные жители не являлись людьми — лишь целями, которые приказали уничтожить.

Раньше алоглазая убийца, разочаровавшаяся в Империи и повернувшая свой клинок против бывших товарищей и командиров, легко могла бы поверить в то, что написали в статье. В конце концов, Куроме осталась верна Империи, а значит — готова выполнить самый чудовищный приказ её прогневшей верхушки. Да и наркотики...

Но... сёстры уже встречались. Пускай они по молчаливому согласию не затрагивали тему работы, тем не менее, текущую обстановку и собственные позиции относительно оной они обсудили. И Куроме, помимо того, что раскрыла часть тьмы, являвшейся ежедневной рутиной её Отряда, которую одна темноглазая «Повелительница Падали» во время их совместной службы в Семёрке упорно скрывала от «защищаемой» ею сестры, многое ей рассказала.

Например, то, что она избавилась от наркотиков, или то, что отношение к нынешнему режиму вообще и командованию Базы в частности у сестёр не слишком-то и разнится. Просто одна верит в Революцию, а вторая настроена к ней даже скептичнее, чем к правительству Онеста.

И теперь, когда о Куроме начали писать в газетах, другие её слова, которые Акаме тогда не восприняла всерьёз, заиграли новыми красками. Сестра поставила себе цель: стать настолько сильной и влиятельной, чтобы суметь воздействовать на Империю изнутри. Если о ней заговорили даже столь влиятельные оппозиционные издания, как «Независимая газета», то сестра действительно сделала серьёзный шаг на этом пути.

Но что насчёт зверств, с такими подробностями расписанных в статье, а также иных незаконных свершений Дикой Охоты и Отряда Убийц (а Отрядом ТERRORа группу сестры она называть не хотела)? Больно это признавать, но Куроме, воспитанная во тьме Подземной Базы, легко могла всё это совершить. Только вот станет ли она творить подобное зло по своей воле? Вспомнив сестру во время их последней встречи, Акаме позволила себе в этом усомниться. Значит, либо ей приказали, либо... статья искажает истину. Учитывая, что и Семёрка, и группы Отряда Убийц подчинялись только приказам Столицы, то первое предположение выглядело сомнительно.

А вот последнее, имея в виду живописные, но непонятно откуда взятые — столичным журналистом-то! — подробности «кровавых злодеяний», смотрелось правдоподобнее.

Подняв голову, Акаме встретила взглядом с Булатом, который также общался с Куроме и потому испытывал схожие с подругой сомнения. Она должна обязательно встретиться с сестрой и узнать: сколько правды, а сколько лжи содержат страницы «Независимой газеты»?

Алоглазая убийца давно не верила лживой государственной пропаганде и официальной прессе. Но в то же время девушка доверяла свободным и независимым журналистам, критикующим правительство и выводящим на чистую воду его промахи и преступления. Не могут же они кого-то взять и цинично оболгать?

...Или могут?

Она должна узнать истину из первоисточника! А ещё... может быть, настоящую правду из первых уст должен услышать заодно и Булат.

* * *

Утро в карцере традиционно ознаменовалось кружкой сомнительного вида воды и куском ещё более подозрительного хлеба — горелого снаружи, сырого внутри и полного мякины* — который будто специально пекли, дабы ещё немного испоганить жизнь не угодившим администрации заключённым. Так же традиционно игнорирую это, с позволения, "угощение", оставив его на подставке рядом с окошком. Я, конечно, могу без вреда для себя съесть и не такое, но даже не будь у меня пространственного кармана, голодовка на пару-тройку дней выглядела привлекательнее данного надругательства над и без того третьесортными продуктами. Разве что грязноватую воду пришлось бы пить, а не использовать для утренних процедур.

/* — отброс, получающийся при молотье хозяйственных растений. Состоит из мелких, легкопадающих частей колосовых: обломков колосьев, обрывков стеблей и прочих подобных элементов. Для человека несъедобных, кстати. В пареном виде используется для откорма скота. Не путать с отрубями./

Немного послушав музыку, которая пусть и перестала уже вызывать «вау-эффект», но ещё не приелась, начинаю размышлять: чем бы заняться сегодня? Ну, кроме захвата мира, хе-хе. Там, если верить ментальным отчётам Счетовода, всё идёт неплохо и без моего участия.

Слухи, запущенные через нескольких гвардейцев и слуг, неожиданно для меня самой распространились, словно пламя в сухой траве: видимо, вброс удачно пришёлся на тот момент, когда старые сплетни успели надоесть, а интересных новых ещё не появилось. Повезло, да. Пускай большая часть рассказней имеет с реальностью мало общего и, как я предполагаю, выставляет одну некроманси в довольно пикантном свете, ибо люди всегда остаются людьми и тяга большей их части к «жареным» фактам, умрёт, наверное, лишь с самим человечеством. Но мне и не нужны исключительно хорошие истории, мне сгодятся и просто часто упоминаемые, чтобы имя было на слуху и благополучно дошло до нужных ушей.

Теперь вот оно успешно дошло, поэтому этот короткий отпуск во тьме и тишине долго не продлится, грозя оборваться... сейчас?

Сосредоточившись на донёсшемся до ушей шуме, различаю топот, возмущённые и испуганные возгласы и крики, какой-то грохот. Хм... а если так? Погрузившись в поверхностный транс восприятия, вижу множество мелких огоньков, принадлежащих откочевавшим подальше от моих, хех, апартаментов крысам; более заметные духовные оболочки обычных людей; несколько тускловатых огоньков одарённых заключённых, томящихся в соседствующих с карцерным блоком каменных мешках... и приближающиеся сверху четыре мощных присутствия уровня Воина.

Знакомые присутствия, кстати. Я как-то незаметно научилась распознавать людей издали, по аурам. Не всех и не всегда, но того же Счетовода от воителя равной силы отличу даже не глядя и шагов за сто. А уж своих товарищей — и подавно.

Несколько позже, когда процессия приблизилась, стало возможным различить и эмоциональный фон её составляющих. Страх перед вторженцами, непонимание и снова страх, но уже адресованный куда-то вовне, принадлежал, очевидно, толпе работников службы исполнения наказаний. Лёгкий интерес к окружающим — что бы с ними такого учудить? плюс веселье и злорадство — это Кей Ли, сего типа везде узнаешь. Букет множества подчас противоречивых эмоций, среди которых выделялась направленная на меня тревога, а также недовольство в сторону тюремщиков и, вероятно, командования, принадлежал Акире. Бэйб виделся, как спокойное озеро, по поверхности которого бежит рябь испытываемых чувств. А вот его приятель Ямато удивил неожиданно сильными переживаниями за мою персону. Странно даже: с чего бы вдруг?

Хотя да. Для человека, относительно недавно потерявшего всю команду (за исключением несчастного Рико), держаться за новую группу не столь уж и необычно.

Выхожу из транса и начинаю слышать ставший более отчётливым шум и звуки голосов, которые из-за расстояния до карцерного блока пока ещё сливались в единый гул. Всё же за несколько дней в заключении я неплохо продвинулась в ощущении духовной силы и эмоций. Отсутствие раздражителей и особых альтернатив, кроме тренировок и возни с демоническим рабом, временно превращённым в плеер, дало неплохие результаты. Да и последствия от недавнего рывка синхронизации с тейгу, в конце концов, полностью пропали. То есть отголоски остались, да и влияние никуда не делось, но их уровень снизился до полностью контролируемого моей волей.

При желании можно даже перестать сдерживать доселе остановленный процесс синхронизации. Хотя к новым опасным экспериментам, способным инициировать новый резкий скачок, конечно, приступать пока преждевременно.

Хоть каждый месяц в карцер садись!

Наконец послышался лязг и стук открывшейся двери в коридор, после чего шумная толпа, ввалившись в блок, где располагалась моя камера, дружно потопала к ней.

— Молодой человек, отпустите уже моё ухо, пожалуйста! Я никуда не сбегу! — со страхом, раздражением, возмущением и ноткой подбострания в знакомом, высоковатом для мужчины голосе, причитал начальник тюрьмы. — Вы же воитель, а я старый и больной чиновник... яй-й-йаа!!

— Может, мне просто нравится, как ты подражаешь визгам испуганной свиньи, — ехидно хохотнули в ответ. — А может, я хочу получить чуть-чуть справедливости? Воздать за нашу дорогую подругу и лидера, которую ты, боров, вместе со своим дружкой-педиком засунул в карцер, — веселье из голоса не ушло, но приобрело гораздо более угрожающий оттенок. — Знаешь, а ведь у нашей Куроме-чи есть отличная книга о пытках и казнях дикарских племён, и она давала мне её почитать, — как бы размышляя вслух, изрек юморист. — Многие в столице почему-то думают, будто отсталые народы могут лишь подражать нам, имперцам. Но ничуть, ничуть... там такие выдумщики попадают, что ой-ой! В кое-что даже не верится. Может, проверим, мой пухлый поросёночек?

— Я... я... я дворянин! Я на службе! Вы не имеете права!! — вскричал подрагивающий тенор, наверное, уже тысячу раз пожалевшего о своём взяточничестве «поросёнка».

— Ты морил нашу подругу голодом. Думаешь, теперь сможешь легко отделаться?! — поддержала своего парня Акира. — Знаешь, сколько предателей Империи мы отправили на тот свет? Ты ведь слышал о Спецотряде Имперских Убийц?

— Вы... вы не можете! У вас нет права. Вас накажут... — всё сильнее понижая тон, отвечал им начальник тюрьмы. Его многочисленные подчинённые молчали, казалось, даже топот их сапог стал приглушённым — лишь бы страшные головорезы разведки не обратили на них своего недоброго внимания.

— Вот она! — схватившись за соломинку, способную отвлечь душегубов на государственной службе, поспешно воскликнул запуганный начальник тюрьмы. — Вот эта дверь! Камера 13-б!

И уже своим подчинённым, срываясь на фальцет:

— Открыть дверь, бездельники! Быстро!

Свет из коридора ударил по глазам, которые, впрочем, подстёгнутые духовной силой, очень быстро к нему приспособились. В дверном проёме виднелась улыбающаяся физия шутника и согбенная фигура упитанного усача, которого означенный весельчак жёстко держал за тёмно-багровое ухо.

— Танцуй, сестрёнка! Героический Кей Ли-сама и его друзья пришли вызволить тебя из мрачных застенков! А это мой тебе подарок, можешь делать с ним всё что захочешь. Даже, ха-ха, поиграть в доктора, как ты любишь, — двусмысленно произнёс Кей и, дёрнув взвизгнувшего толстяка за ухо, принудил его просеменить внутрь камеры, после чего дал возмущённо-испуганно заоравшему мужчине хлёсткого пинка под зад, утрамбовав его внутрь трёх квадратных метров моей обители.

— Тихая спокойная камера, где нет твоих шуточек. И свобода, где они есть... какой неоднозначный выбор! — сидя в полулотосе на узкой деревянной койке без матраса и одеяла, перевожу взгляд с Кея на начальника тюрьмы, кряхтящего и тихо постанывающего на каменном полу.

Его Кей, на мой взгляд, обидел зря. Или, по крайней мере, преждевременно.

Его и так накажут после проверки и, скорее всего, снимут с должности. Но что, если не снимут? Где мне тогда смертников брать, если вдруг понадобятся? Этот оскорбленный словом и действием, чем-то напоминающий скорее моржа, чем борова, толстый тюремщик определённо станет вставлять палки в колёса.

— Господин начальник тюрьмы, а можно мне остаться? — произношу со вздохом.

Мне ответили нечто невразумительное в духе «глаза б мои вас не видели!». Ну, точно обиделся!

— Эй-эй, мы, между прочим, беспокоились! — возмутился гаер.

— И к господину Галахаду обращались, — добавила Акира, немного меня удивив.

— Мы и остальные ребята, — поддержал её Ямато.

Два прошлых командира и их офицеры весьма плотно вбили в рядовых убийц страх перед собой и своим гневом. И то, что ребята смогли обратиться к новому главе Базы с какими-то требованиями — довольно выдающееся событие. Видимо, ко мне в группе и всём Отряде относятся лучше, чем казалось и надеялось. Ну, и тлетворное влияние намеренно распространяемого скептицизма в отношении командиров и вообще всех, кто не входит в наш славный коллектив государственных убийц, тут, наверное, тоже повлияло.

Раньше, при Маркусе — или тем более Билле — никто бы и не подумал, что так вообще можно.

— Даже этому толстобрюху, который, глядя на его щёки, вот точно воровал твои завтраки, прописали добавки тумакми, — дополнил подругу и товарища хохотнувший Кей. — А его дружку — гомо-сапогу, который угрожал нам, нам! — своими жалкими связями и махал автоматом, я лично запихал его пукалку прямо в... кха, — хлёсткий подзатыльник от рассержено зашипевшей Акиры заставил оборвать фразу. — В общем, запихал. Хвали нас, твоё командирство!

— Завтраки? Эти, что ли? — бросаю шутнику шедевр карательной кулинарии.

— То есть голодом тебя эти долбостражи не морили? — спросил парень и с интересом откусил кусочек предложенного лакомства, дабы почти сразу его выплюнуть... «совершенно случайно» попав в начальника тюрьмы. — Ну да. Не морили: травили, сволочи! Тьфу, тьфу, вот же пакость несказанная! Даже Огонёк такую ядовитую бурду не сварит! — под недовольный фырк своей девушки, уязвлённой столь невысоким мнением о своих кулинарных талантах, да ещё высказанном вслух, заявил шутник.

«А, вот значит отчего Кей с таким удовольствием пинает бедного «моржа»! Это его нелюбовь к стражникам так сказывается», — догадалась я о причине немного — раз не убил и не покалечил, хотя насчёт Пидора (не знаю, как этого уродца на самом деле зовут), которому куда-то затолкали автомат, имеются вопросы — слишком злых шуток замкома над коррумпированным тюремным чинушей, прогнанным не перед теми.

— Нет, — произношу уже вслух. — Сама решила потерпеть несколько дней. Я же говорила, что

те несмешные клоуны мне ничего не сделают? И вот вы здесь, освобождаете меня и унижаете работников тюрьмы. Не слишком-то причастных к моему аресту, кстати. — Ощувив рост обиды и недовольства в эмоциональном фоне Акиры и здоровяков (Кей, как всегда, выделился: от него пахло неким удовлетворением, будто брюнет подтвердил некие свои выводы), решаю дополнить высказывание:

— Но за поддержку спасибо, я это запомню.

— Ай-ай, и всё-то ты знаешь, Куроме-чи! Может, наша мисс вы-все-часть-моего-плана поделится со своими вернейшими сторонниками, — чтобы я уж точно не ошиблась, он двумя пальцами показал на себя, — их частичкой? Или хотя бы скажет, зачем её вызывают во Дворец?

— Не знаю. Думаю, Сайкю узнал о проделках тех идиотов. А может, Будо решил поинтересоваться, почему его вернувшаяся с миссии ученица так и не пришла навестить старика, — задумчиво потираю подбородок. — Надо бы, кстати, к нему заскочить, показать прогресс и попроситься продолжить уроки.

И так бледноватый — за исключением «гордо сияющего» раздутого уха — начальник тюрьмы, что уже поднялся с пола и, бубня под нос ругательства, постепенно накручивал себя, чтобы со скандалом выставить неприятных гостей и заключённую, переставшую быть таковой, заслышав громкие имена, аж посерел. Остальные тюремщики ему не уступали, некоторых аж натуральным образом затрясло.

Оно и понятно: рядовые государственные убийцы, пусть хоть десять раз сильные и опасные — это одно, а вот интриги верхов — совсем другое. Тут можно не просто получить колотушек или даже умереть, но и вместе с семьёй к стенке встать. Или вообще отправиться на четвертование, как изменники и предатели.

По нынешним временам казни вместе с родственниками — которые никак не могли не знать о преступных склонностях сына/мужа/брата/отца, или даже жили на нечестно нажитое вместо того, чтобы доложить по инстанции, а значит, разделяют вину — не особо распространены. Но и не отменены. И периодически используются, хоть чаще не на тех, на ком стоило бы. В нынешней Империи перед законом прав тот, у кого больше прав, а виноват — у кого меньше, да. Есть чего бояться.

И это правильно. Раз уж мирно разойтись стараниями Кея теперь не получится, то пусть наш новообразовавшийся недруг забудет о кознях и кляузах хотя бы из страха.

— Э-э... мн-э, госпожа, простите, не знаю вашей славной фамилии, — решившийся подать голос упитанный усач перебил уже открывшего рот, вставшего рядом с дверным проёмом Ямато.

— Абэ, — подсказываю я.

— Уважаемая госпожа Куроме Абэ, произошла чудовищная ошибка, — протерев лоб извлечённым из нагрудного кармана платком, продолжил мужчина. — Мне не сообщали о вашем... мнэ, положении, то есть статусе. Если бы мы знали, мы бы никогда не посмели отправлять вас в общую камеру — и тем более посадить в карцер. Все пытавшиеся посягнуть на вашу жизнь преступники находятся под следствием. Но если вы, мнэ, хотите...

— Не стоит, — прерываю собеседника, натужно соображающего, как ему если не выкрутиться, то хотя бы уменьшить волну грядущих проблем. — Вина в происходящем лежит не на вас. Думаю, нам обоим лучше просто забыть о своих обидах... и расстаться, как хорошие знакомые.

— Да, да, конечно! Конечно же, так будет лучше! — с готовностью поддержал идею глава тюрьмы. — Какие обиды?! Ваши, мнэ, подчинённые, — опасливо-неприязненный взгляд в сторону весело скалящегося Кей Ли, — просто, э-э, перенервничали. Да, да! Верно же?

Устремляю ожидающий, чуточку раздражённый взор на перекрывающего выход заместителя, который на этот раз — наверное, для разнообразия — не стал выдавать сомнительные остроты, а вместе с остальными ребятами молча потеснился.

— Прекрасно. Тогда мы, пожалуй, покинем эти, хех, всегда готовые встретить и приютить гостей стены.

— Куда сейчас? — спросила меня пристроившаяся слева Акира, когда мы вышли на улицу.

— А разве вам не сказали, куда меня нужно доставить? — задаю встречный вопрос, поглаживая за ушком расположившегося на руках у девушки пушистика.

— Сказали, но...

— Но пошли они в задницу! — с весельем в голосе подсказал её парень. — У нас ещё куча времени.

— Нас сейчас всё равно никто не контролирует, — под согласный кивок Бэйба добавил Ямато.

— Идиот, нельзя ругаться на командиров! — ругнулась на своего обалдую рыжая, но по смыслу сказанного предъявлять претензий не стала.

Да, всё же тлетворное влияние одной некроманси заметно сказалось на ребятах. Уже никто в группе не считал командиров распоряжающимися жизнью и смертью высшими существами, чьи приказы требуется исполнять молниеносно, неукоснительно и до последней буквы. Скрытое — порою и от них самих — пренебрежение могущественных Воинов Духа к неодарённым мелькало и раньше, как и подавляемая злость; но только сейчас его начинали высказывать прямо, пусть пока только в своём кругу.

Это, с одной стороны, хорошо: ведь, как и предусмотрено планом, на месте старых авторитетов постепенно утверждался новый лидер в скромном лице одной доброй волшебницы. Но с другой стороны — сие может вызвать проблемы, породив внутреннее противостояние с офицерским составом. Ну, то есть раньше, чем это требуется.

Нужно посмотреть, как идут дела в этом направлении и, если понадобится, подкорректировать течение процессов.

Ловлю на себе взгляд Кей Ли, который, заметив это, тут же подмигнул и развязно ухмыльнулся. Поздно: я уже обратила внимание на его интерес, не совсем сочетающийся с обычным поведением остряка-самоучки.

Подстёгиваю разум, ускоряя мышление.

Что же, можно подтвердить, что Кей определённо не шутил насчёт желания узнать часть моих планов. И намёки на «вернейшего союзника» не являлись обычной для него гиперболой. Ну, в принципе, ничего удивительного: несмотря на свою вечную клоунаду, парень он умный, склонный подмечать и анализировать мелкие детали происходящего. Даже странно, что Кей так осторожничал и решил перейти от пассивных наблюдений к действиям лишь сейчас. То есть пока что его активность ограничивается подготовкой в виде всё более явных намёков — что для этого наглого и нахального персонажа очень необычно — но он на этом определённо не остановится.

Нужно подумать, что рассказать, а о чём умолчать в разговоре, который, скорее всего, состоится в ближайшие дни. Злоехидная физия клоуна, под маской которого Кей талантливо скрывает свои истинные чувства, не вызывала доверия раньше, не вызывает и сейчас. Да и эмпатия с ним работает не очень. Но за месяцы тесного общения в качестве сокомандников я, кажется, сумела его понять.

Кей Ли много болтает: по делу, без дела и по любому поводу — однако при этом наш болтун ни разу не выболтал ничего важного или секретного. То есть, где надо, язык за зубами он держит не хуже Бэйба. Сдавать меня командованию он точно не станет, ведь это «не весело»; зато всякая движуха этому прирождённому трикстеру очень даже по вкусу. И чем масштабнее, чем неожиданней и рискованней — тем лучше.

В общем, можно слить «вернейшему стороннику» часть правды (но сперва стоит оценить, что он знает и о чём догадывается, чтобы она хорошо легла на эти догадки), а потом посмотреть, как он станет себя вести. В ином случае, боюсь, сей не в меру любопытный тип может наделать фатальных для себя глупостей. К тому же более-менее доверенный помощник внутри Отряда вообще и команды в частности мне не помешает. Да и Акира за ним последует, если что. Всё же, несмотря на видимость обратного, именно Кей является лидером в их шумной паре.

— Думаю, перед тем как являться на Базу, мне стоит избавиться от запаха тюрьмы и перекусить, — произношу я вслух, не дав разгореться очередной перебранке между означенной любительницей поругаться и покомандовать и её парнем, обожающим провоцировать окружающих. — Если я правильно помню, здесь неподалёку располагаются общественные бани. Как вы смотрите на то, чтобы сначала заглянуть туда? Место, насколько я слышала, неплохое: есть бассейны, массажные и кафе. То есть после водных процедур можно даже никуда не торопиться, а оценить местную кухню.

— Вай, сестрёнка-проказница, я всегда знал, что мы с тобой одной крови! — полез обниматься Кей. — Пригласить в баню сразу всю нашу команду! И как я сам об этом не подумал?!

— Куроме не это имела в виду, извращенец! — выпалила покрасневшая Акира.

Вот ведь вредительский зубоскал! Начнёшь считать его осторожным и продуманным, а он тут же всё опоплит! Даже Ямато с Бэйбом, пусть этого и не показывали, немного смутились от словоизвержения фантазий этого суетливого и надоедливого типа.

Мне, если честно, совместные водные процедуры — если не воспринимать прозрачно-пошлые намёки любителя хентайной литературы всерьёз — не казались чем-то предосудительным: воспоминания о прошлой жизни меня-Виктора и работа на ниве некроманта-химеролога в жизни нынешней отучили стесняться наготы мужского или женского тела. Но раз Кей и Акира столь озабочены данным вопросом, то сомнительное предложение заместителя, которое я хотела поменять на совместное посещение бассейна (разумеется, в купальных костюмах, кои несложно купить прямо на месте) становится не актуальным. Да и Акира, наверное, как всегда начала бы упираться, в духе «незачем-де тратить лишние деньги на бассейн и новые купальники».

— Угу, — определив линию поведения, поддержала я девушку. — Смотреть на твой тонкий стручок — это не то, что мне требуется для повышения настроения и аппетита.

Ямато закашлялся, маскируя смех, Бэйб тоже хмыкнул... правда, непонятно, чего в этом звуке оказалось больше — веселья или осуждения той привлекающей внимание прохожих шумихи, что создавала наша компания.

— Что? Какой такой стручок? — ничуть не смутился гаер. — У великолепного Кей Ли-сама нет никаких стручков! Или ты об Ослепительном Великом Несокрушимом Нефритовом Копье, Пронзающем Небеса и Зажигающем Солнце?

— Мы втроём недавно ведь были на горячих источниках. Я не заметил у тебя ослепительного копья, — изогнув губы в улыбке, заявил Ямато. — А ты, Бэйб?

— Нет, — ответил немногословный здоровяк.

— Ха! Ещё бы вы заметили! — вместо того, чтобы сконфузиться, Кей наоборот, ещё сильнее раздулся от важности. — Ослепительное Великое Несокрушимое Нефритовое Копье, Пронзающее Небеса и Зажигающее Солнце, открывает свои истинный облик и красоту лишь пред ликом прекрасных юных дев. Правда, Акира-чи?

— Заткнись! Заткнись, заткнись, заткнись!!! — пытаюсь уговорить своего «копыеносца», бормотала Акира, пылающая, словно настоящее солнце — кое, по словам бесстыдного юмориста, и зажигало его «копье».

Тщетно. Застенчивость? Стеснение? Это не про Кей Ли!

— Не смущайся, Огонёк. Пусть все знают, что у тебя есть такой крутецкий парень — и завидуют!

— Дурацкий, тупой, идиотский пошляк с длинным языком! Вот ты кто!

— Да-да, язык Кей Ли-сама тоже могуч и прекрасен, — ещё шире заулыбался брюнет.

— Куроме, поддержи, пожалуйста, нашу пушистую прелесть, — сказала Акира, передав мне Люца. Когда она повернулась к своему парню, выражение лица рыжей изменилось. От девичьей фигурки повеяло слабеньким убийственным намерением. — А я сейчас сотру поганую усмешку с тупой морды этого фиглярского извращенца!

— Ай! Ой! Не по голове! Уй, а сюда зачем?! О, моя Суровая Солнцеликая Госпожа... Ай! ...Если вы так распалились, то... Ой! ...Может, вы с этим жалким слугой... Вай, ну не по голове же! ...Сделаете это прямо на улице?

— Р-р, убью поганца!

Нет, в тюрьме всё же было спокойнее. Намного.

Зато с ребятами — веселее.

* * *

Кей Ли — второй в Рейтинге силы и недостижимый для остальных Мастер шуток, что бы там себе ни воображала Сена, эта жалкая подражательница его великолепному таланту — по собственному убеждению, никогда не являлся в какой-либо степени нормальным человеком. Он к этому и не стремился. Ведь что есть норма? Скучная серость, блеклая посредственность! Зачем становиться таким? Пусть лучше окружающие поражаются и восхищаются. Ну, или (что куда веселее) скрипят зубами от ненависти и бездумно бросаются в драку — не важно, словесную или на оружии.

Он хорош и там, и там!

С самого детства темноволосый мальчик понимал свою необычность, замечая, что его эмоции и реакции несколько отличаются от тех, что у других детей. Сначала он пытался это скрывать, но в один прекрасный момент подумал: «А зачем?» — если ему, в отличие от большинства иных, безразличны проблемы неудачников, подставившихся в спаррингах, умудрившихся получить травму или даже выбыть, то разве это плохо? Плохо ли, что он во время своей первой тренировки на смертниках — в отличие от их бессменной Номера один, которую, по собственному признанию, даже тошнило — не почувствовал вообще никаких отрицательных эмоций.

Это было даже по-своему весело.

Нет, нифига не плохо! На самом деле он вовсе не хуже других. Он лучше!

Некоторое время, когда он был молод и глуп, Кей считал, что это заслуга благородной крови старшего лорда, текущей по его венам. Но потом понял, что это такая же фигня, как надежды на признание папашкой случайного плода любовных утех. Он и сам по себе красавчик,

независимо от происхождения и воспитания! Возможно, именно поэтому убойные дозы пропаганды на уроках «Истории», а чуть позже и закрепляющие материал гипноиндукторы — не оказали на его экстраординарную личность эффекта... или, по крайней мере, действовали гораздо слабее, чем на остальных.

Тут как в математике: если число, которое умножаешь, изначально маленькое, то и результат арифметических действий тоже окажется скромным. Главное — не показывать свою выдающуюся устойчивость перед командирами, ибо насчёт последующих действий офицеров Кей ни малейших иллюзий никогда не питал.

Молодой парень с некоторой социопатией очень быстро осознал и понял всю неприятную изнанку Империи, а также место Отряда Убийц в происходящем. Собственно даже утилизация Ремус — сокомандницы и подружки Куроме-чи — не смогла выбить его из колеи или хотя бы впечатлить. Это неприятно для него, как для рядового убийцы, но вполне логично, если смотреть со стороны командования. Кому нужен отработанный материал? Избавиться от него, показать «плеть» и мотивировать остальных — вполне напрашивающееся решение.

Если бы командовал сам Кей Ли — приказал бы ровно то же самое. Для имперских убийц эффективность важнее всего. А он кто? Вот именно.

Смерти он не боялся, но и умирать не желал. По крайней мере, раньше большинства остальных, от руки жалких революционных полубандитов или укольчика от живорезов Базы, исполняющих приказ на утилизацию. Именно поэтому он так прикипел к стимулятору, который, как оказалось, пусть и являлся той еще отравой, но зато повышал шансы пережить очередной бой. Да и повышающий настроение побочный эффект этого наркотика ему, если честно, тоже нравился. Наркомания, конечно, причём в самом прямом смысле — но жить и служить под «колёсами», как ни крути, кратно веселее.

Сейчас приходилось прилагать заметно больше усилий, чтобы не сдуться, превратившись в кусок унылого говна самому, а также не позволить погрязнуть во всяких дурацких рефлексиях своей группе. Он заместитель командира, поэтому — ни шагу назад! Больше шуток и подколов! Больше движухи и эмоций в этом мрачном болоте!

...Но всё-таки жаль, что «лекарство» не только убивало тело, но и тормозило развитие, из-за чего от него пришлось отказаться. Но раз так вышло, значит вышло. Мощь и искромётность его юмора не пошатнуть присутствием или отсутствием каких-то там таблеток! Это другие могут ходить с постными минами и лить слёзки, делая больно себе и никак не трогая

погибших, которым уже всё равно — если это, конечно, не мертвяки Куроме-чи, насчёт них парень до сих пор не уверен — но не Кей Ли-сама! Он — луч света в подземном царстве уныния! Он не перестанет причинять смех и наносить веселье, пока бьётся в груди горячее сердце Мастера Шуток!

Хотя... заявляя о своём превосходстве и эмоциональной непробиваемости, Кей лукавил.

Потеря всей — кроме его Огонька — команды смогла задеть парня. Причём даже сильнее, чем он сам это признавал. Всё же привязанности ему не чужды, и пусть собственная смерть не слишком беспокоила: если делаешь, что можешь, дабы не погибнуть самому и не позволить погибнуть близким, то и дёргаться по этому поводу бессмысленно. Невозможно сделать невозможное, а потому надо делать всё возможное и не париться.

...Даже если этого «всего» окажется мало. И вообще, пока он жив — он бессмертен, а когда мёртв, то и мира для него тоже не существует! Вселенная погибнет вместе с ним, ха-ха! Но вот терять тех, к кому привык и кому симпатизировал...

...больно.

Именно после той злополучной миссии, где его группа действовала совместно с кучкой тупоголовых полицейских сапогов, ака «столичная стража», которая своим идиотизмом подставила их голые задницы под чужие мечи, он и обрёл такую любовь к юмору. То есть он и раньше не упускал возможности смешно поддеть и вывести из себя кого-нибудь из врагов или друзей. Но после того, как молодой государственный убийца осознал великолепие пути шуток, он раскрыл этот талант на полную и разом превзошёл всех остальных шутников Отряда.

Смеяться или злиться на злоязыкого товарища — лучше, чем впадать в уныние или пытаться отомстить кому ни попадя. Ведь любому разумному человеку понятно, что мстить во многом придётся собственному начальству и тем, кто стоит выше них. Так, пусть он и сохранил нелюбовь к безмозглым держимордам, неспособным заметить даже копьё в собственной заднице, сводить счеты он не спешил. Даже с непосредственными участниками событий, некоторые из которых умудрились выжить. Бессмысленно это. Как, в общем-то, и вся их жизнь.

Но в случае чего поддеть железноголовых это ему, разумеется, не мешало.

Тогда, в первые дни и недели, пытаясь выдать натужную шутку, брюнет ощущал, как мир теряет краски, неуклонно серея. И лишь реакция Акиры на его «идиотские», «бесящие», «смущающие» и «да как ты посмел смеяться над этим, полудурок!» юморески, добавляла красок в эти сумерки. Именно поэтому он так прикипел к своему искреннему и упоительно-эмоциональному, теплomu и искристо-жгучему рыжему Огоньку. Акира вообще во многом ему помогала, даже сама этого не осознавая. И пусть он, по собственному мнению, не испытывал к ней настоящих любовных чувств — по крайней мере, таких, которые описывали во всяких романчиках — и скорее позволил девушке превратить обоюдный сброс стресса в нечто... большее, чем сам стремился к развитию отношений... что ж: стоит признать, что он к ней привязался.

Да, с Акирой-чи хорошо. И не скучно. Она определённо ему нравится.

Искоса взглянув на означенную особу, недавно вдосталь его поколотившую и теперь довольную, брюнет улыбнулся редкой для себя мягкой улыбкой, которую, впрочем, быстро согнал. Вдруг заметит? Всякие там сопли не сочетаются с его образом! Да и кому интересны эти нюни? Все это тлен и скукота! А улыбаться (то есть ухмыляться) надо так, чтобы у смотрящих на твой сияющий лик глаза кровью наливались.

Да, только так!

Возвращаясь к основной теме: в конце концов, несмотря на все недостатки и потери, его устраивала работа убийцы, местами даже нравилась. Пожалуй, он был на своем месте в Отряде Убийц. Потому что здесь куда проще без лишней совести и сопутствующих ей глупых мыслей о какой-то там справедливости и чьей-то там защите (если это не высшие чины ведомства или представители правящей верхушки, конечно). В этой своей позиции он всегда оставался в меньшинстве, даже Акира частенько обзывала его клоуном и чурбаном. Будто в этом есть что-то плохое, ха! Ныне же, когда из всех выживших в Отряде только Куроме и еще парочка индивидов разделяла его отношение к службе, которая должна приносить удовольствие, это меньшинство стало почти абсолютным.

Он находил восхитительно ироничной ситуацию, когда в Отряде Убийц, за редким исключением, собрались действительно добрые и идеалистичные ребята... По крайней мере, куда добрее подавляющего большинства штабистов, кои вроде как ни разу не марали рук настоящей кровью, но от которых и приходят глупые и хлопотные приказы, наподобие полной зачистки мятежной деревни вместе с грудными детьми и даже животными.

Особенно парня веселили убийства «революционно настроенной» скотины. Бык-бунтовщик, курочка-революционерка и козёл-мятежник! Восстание зверей, ха-ха-ха! Звучит в точности как название какой-нибудь забористой манги от автора «Сисек-убийц», — привычная полуулыбка на лице парня стала чуть шире.

Жаль, что среди их команды соль шуток поймёт разве что Куроме. Остальные начнут ругаться или читать нотации о недопустимости крамольных высказываний в адрес командования или насмешек над смертями невинных. Какие же это невинные? Сумели вызвать гнев Центра? Значит, виноватые! Или просто неудачники. Кто они такие, эти в первый и последний раз увиденные им незнакомцы, чтобы над ними было нельзя смеяться? Всё-таки в головах большей части его окружения полно необъяснимых глупостей.

Один он идеален, ха-ха!

И раз уж речь зашла об их славной предводительнице, то непонятная, но однозначно интересная, бурная деятельность, начатая ею в Кукуте — на самом деле раньше, но обратил на это внимание он лишь в том городе — заставила парня переосмыслить некоторые свои мысли и поступки. Тогда, на юге, Куроме неожиданно показала себя, как весьма коварную и продуманную личность, не чуждую эстетики настоящей игры.

Ведь что является лучшей сценой, как не настоящая жизнь? И кто, как не человек, способный зажечь восхитительное пламя хаоса, а потом заставить его танцевать по своим правилам — с тем, чтобы убить уже ненужный огонь в последнем акте — является гениальным режиссёром? И это при том, что до этой миссии внезапно блеснувшие качества никак не проявлялись (или, как теперь считал Кей, просто тщательно маскировались их маленькой принцессой Зла).

Первый номер Рейтинга, притворяющаяся мрачной колючкой любительница черноватого юмора, истребительница сладкого и самозваная повелительница мертвых, а также Доктор Боль в одном флаконе, после предательства сестры получила жёсткий моральный удар. Как многие до неё и многие после, Куроме погрузилась в мрачные размышления, перемежаемые попытками переосмыслить своё прошлое и будущее так, чтобы новая картина мира причиняла меньше боли.

И переосмыслила. Да ещё как! Настолько, что даже ему — великому Кей Ли-сама, гениальному артисту в театре жизни — стало немного стыдно за себя, за приземлённость фантазии и малый её масштаб...

Стыдно — и до крайности завидно!

Сам он, пережив своеобразный катарсис, решил, что если век члена Отряда — пусть и яростный, но короткий и местами безрадостный, то следует добавить огонька самому. Это весело, круто и в бесконечное число раз лучше глупого горя или злобы, кои толкнули к смерти добрую половину убийц, потерявших дорогих людей или смысл существования.

Но... как ни печально это осознавать, Кей, как и все остальные до него, просто смирился. Играл пусть и превосходно, но следуя чужому сценарию. Принял правила заведомо проигрышной игры и просто постарался сделать так, чтобы в процессе медленного умирания она хотя бы стала приносить больше радости ему и ребятам.

Куроме же вместо того, чтобы пойти по этому пути, решила бороться. Не последовать примеру сестры, которая, переметнувшись на сторону добрых — ха-ха! — борющихся за народное благо — ха-ха-ха-ха! — бунтовщиков, предала их всех и даже себя саму. Нет: она ни много ни мало решила изменить будущее, уже написанное другими! Переписать скучный сценарий бытия. Ну, или хотя бы ту её часть, что касалась её и Отряда.

И, оглядываясь назад, можно заключить, что она преуспела. Причём как-то даже слишком быстро и легко.

До чего же круто! Завидки берут, аж скулы сводит!

И что десятикратно обидней — он, мнящий себя не последним умником, понял смысл действий Куроме лишь задним числом, когда она практически перестала скрываться, чуть ли не напрямую заявляя о своих намерениях всем (ладно, всем в команде и отчасти — в Отряде), кто видит, слышит и достаточно сообразителен.

То есть, если подумать, ему одному.

Ах, если бы Кей знал, что так удачно стукнуло боевой сладкоежке, никогда ранее не проявлявшей подобных наклонностей — непременно стукнул бы себя тем же самым! В то же

самое место. Два... нет, лучше три раза! А потом зажжёт так, что небу стало жарко, чтобы звёзды померкли и солнце позавидовало!

Но вернёмся к изменениям в характере сокомандницы, её не до конца понятной, но очень серьёзной и занимательной игре, а также наблюдавшему за ней тайному, но оттого ничуть не менее восторженному поклоннику.

Пожалуй, самый сильный удар понимания, который подтолкнул вереницу его мыслей в нужную сторону, произошёл на аттестационном экзамене на ранг Мастера. Наблюдая, как Куроме абсолютно без всяких колебаний общается с генералиссимусом и главой разведки, как свободно и в какой-то степени непринужденно ощущает себя в этом обществе, Кей буквально физически почувствовал, насколько далеко она оторвалась от серой массы остальных убийц, в том числе и от самого Кея «Великолепного». И, судя по тому отношению, с которым она говорит о своих контактах с Сайкю, Будо — и, чтоб его тентакли полюбили, самим Императором! — в будущем маленькая повелительница Зла и Печенья взлетит еще выше... если не убьют.

Что нынче стало той ещё задачкой. Сам Кей, например, не взялся бы. А если бы получил такой приказ — подумал скорее о дезертирстве, чем о попытке его выполнения.

После того занимательного вечера он куда внимательнее стал слушать, что говорит новоиспечённая дворянка, приближённая министра разведки и ученица Будо, а также начал присматриваться к её поведению. Аккуратно поддевать, провоцировать, сопоставлять факты, анализировать события, свидетелем которых являлся. Всё-таки они никогда не были особенно близки с Куроме или кем-то из её закадычных друзей... которые к нынешнему моменту уже все выбыли.

Разумеется, совместная служба помогала понять друг друга лучше и вольно-невольно сближала всю их небольшую компанию, однако, чтобы постигнуть мотивы и способ мышления довольно-таки скрытной девчонки со стороны, пассивно, потребовалось бы гораздо больше времени, чем он мог себе позволить. Да-да: именно поэтому он её поддевает, а не потому, что ему просто нравится данное занятие, ха-ха-ха!

Гм, неважно.

Главное, что чем дальше Кей изучал свою цель, тем более интересная перед ним складывалась картина. Множества фрагментов не хватало, но уже сейчас рисовалось что-то очень небанальное. Или даже грандиозное.

Способность ориентироваться среди криминала — а ведь это он со своей командой частенько работал с полицией, не Куроме! — понимание психологии политиков и поведения толпы, непонятно откуда всплывающие знания и огромные суммы золотом...

Конечно, можно объяснить наличие денег и информации вытрусиванием оных из вредных для исполнения задания или просто подвернувшихся под руку личностей, но... Их учили пытать и выбивать ответы, а Кей, как лидер команды, часто действовавшей совместно с правоохранителями, в частности дознавателями, прекрасно знал, что мастерство палача — это труд и временами целое искусство. Лишь профаны считают, что достаточно напугать жертву и заставить испытывать боль, и та сразу всё выложит. На деле же это работает безотказно лишь в том случае, когда требуется тупо раздавить человека: что-то забрать или «повесить» на неудачника чужое преступление.

Хочешь вытащить из настоящего, матёрого бунтовщика его контакты? Будь готов слушать ложь, потом ломать его болью, дабы выслушать новую ложь и, поймав цель на несоответствии, начать новый этап пыток и допросов, призванных выудить крупы правды из вороха вранья и словесного мусора. Он слышал, что в некоторых случаях с особо упёртыми объектами приходится работать неделями и даже месяцами, прогоняя через новые и новые круги пыток после каждого неосторожно оброненного утверждения, противоречащего уже снятым показаниям.

Что можно устроить за пару часов? Лишь простой и банальный полевой допрос. А полевой допрос он на то и полевой, что направлен на прояснение моментов в и так более-менее известной ситуации, вроде численности противников или их точного месторасположения. И то желательно иметь несколько источников информации, которых надо допрашивать отдельно и с пристрастием, чтобы уж точно не нарваться на дезу. А скоростное вытаскивание тонкостей, способных уничтожить и товарищей, и семью, и дело жизни пытаемого... тут уж даже самый слабовольный трус станет юлить и недоговаривать. Ну, пытаться. Или наоборот: начнёт признаваться во всём, о чём ни спросят, пытаясь утопить мастера допросов в потоке сорной информации.

Нет, здесь точно замешаны не пытки. Вернее, не только они.

Резко ставший адекватным и почти сносным Маркус лишь добавлял камешков на весы и склонял Кей Ли к предположению, что Куроме-чи сумела найти некоего влиятельного разведчика и спутаться с ним. Причём это точно не кто-то из Базы и, наверное, не Сайкю (как бы она вышла с ним на контакт по дороге на юг?). Кто-то из ответственных за тот регион? Возможно. Впрочем, Кей Ли больше интересовала сама миниатюрная глава их группы убийц, нежели её партнёр или партнёры. Хотя, конечно, отпустить несколько пошлых шуточек на эту тему его так и подмывало, но парень продолжал помалкивать, опасаясь фатальных для себя последствий.

По этой же причине — а также потому, что Огонёк не так свободна в своих мыслях — он не делился собственными соображениями и с Акирой. Куроме-чи, конечно, милая и забавная, и с чувством юмора у неё порядок, и как соратница она хороша — спасла его отравленную южанами задницу от хватки костлявой, почти сжавшейся на нежных булках. Но при том их любящая сладкое лидер — то ещё чудовище, мысли и реакции которого Кей не взялся бы предсказывать даже сейчас.

А ну как сочтёт сунувшего нос не туда товарища и его девушку угрозой, и на следующей миссии позволит им погибнуть? Или устроит им совершенно внезапный и очень несчастный случай?

Вроде обрушившегося прямо на голову пещерного свода, ага.

Недавно завершённая миссия в гостях у папашки только подтвердила стремительно расширяющийся круг связей миниатюрной интриганки, ставящей восхитительную пьесу в театре жизни. Слишком вовремя вынырнул этот наглый хрен Юрэй, который помимо своей силы имел ещё и нерядовые навыки организации и управления войсками. А наместник, который в самом начале смотрел на них, как сам Кей смотрит на хентай с цензурой, но потом резко чуть ли не лебезить начал?

Ясно же, что кое-чья нежная ручка нашла и крепко сжала дряблые яйца этого хитрозадого престарелого сластолюбца. Настолько крепко, что ещё чуть — и запоем фальцетом.

Или другой момент, что во многом и заставил его опасаться последствий неосторожных слов и действий. Натал. Друг детства, который для Куроме куда ближе самозваного Мастера шуток и, соответственно, разбирался в её характере не в пример лучше. Блондин не мог не заметить изменений в цели для своего комплекса старшего брата. Скорее всего, он раскусил её практически моментально, недаром они так часто шушукались по дороге на миссию, а потом и

после прибытия на место.

Однако дела в Кукуте завершились, группа вернулась в Столицу, Куроме-чи начала исполнять новый этап своего плана — тот, что связан со становлением Мастером и сближением с представителями верхушки власти — после чего блондин исчез. Якобы случайно умер под завалом во время преследования непонятно откуда выскочивших южных убийц.

Довольно подозрительный и, чего уж, откровенно смердящий случай. Ведь кто у нас во время миссии на юге плотно общался с всякими там мутными личностями? Правильно!

Особенно подозрительность стимулировала реакция не обозначенной, но всем понятной особы на эту нелепую смерть. Нет, она вполне натурально изображала скорбь и печаль. Вот только Кей, умевший и любивший лицедействовать с самого детства, не спешил на это покупаться.

Какое-то время парень даже считал, что параноидальная сладкоежка — как вариант, её вероятный покровитель — решила убрать старого приятеля, слишком много узнавшего и воспротивившегося её далеко идущим планам. Поэтому любитель шуток стал намного осторожнее в своих попытках сунуть нос в чужие дела и, скрыв заинтересованность под ворохом других эмоций и увлечений, продолжил наблюдать, не решившись подойти. А что? Куроме ведь сестра предательницы Акаме, а та очень бодро рубила своих, когда те попытались встать у неё на пути. Кто знает, чего одна сестра набралась у второй за то время, пока они вместе бегали в составе Элитной — ха-ха, кучка дохлых неудачников и предателей! — Семёрки.

Однако после трюка с марионетками-двойниками парень пересмотрел свои выводы на впечатлившую даже его безжалостность лидера группы А. Да и её реакция на некоторые, порой весьма острые шутки — чего стоило хотя бы то искромётное представление, где он так талантливо изобразил потерю контроля, приведшую к прилюдному нарушению приказа «не убивать никого из Ван, пока Куроме не скажет обратного»? — противоречила образу той, что легко избавляется от любой проблемы самым радикальным образом.

Кей помнил тот взгляд, сначала наполнившийся беспокойством, а потом облегчением и злостью на источник провокации. Парень не сомневался, что в случае острой необходимости их лидер сможет от него избавиться, но теперь считал, что это произойдёт лишь тогда, когда другого выхода действительно не окажется.

Что касается Натала, то, судя по всему, блондинчик оказался посвящен в некоторые секреты и планы, до которых остальных из Отряда Куроме-чи просто не допускала, а потом по неким непонятным причинам благополучно покинул их дружную компанию. Причём не так, как обычно это делают другие убийцы, а живым и здоровым, просто-напросто инсценировав свою смерть и оставив вместо собственного тела творчество любящей играть с мертвецами подруги. Даже шингу «непонятным образом исчез» вместе с ним!

Красивый ход. И даже очень.

Интересно: тейгу якобы сбежавшего братца теперь всплывёт у новой личности блондинчика — или Куроме оставит его и новую марионетку себе? Хотя зачем Наталу Адаусу, если у него есть удлиняющееся копьё (на самом деле глефа, но это не важно) — в голове пронеслась череда шуточек на тему супер-способности удлинения, хах, копьё, но парень усилием воли её подавил, сосредоточившись на главном — коса повелителя воздуха гораздо лучше подойдёт родственнику бывшего владельца. То есть Кей Ли.

И вообще, Куроме ведь назначила его заместителем? Назначила. Сама. Значит, нечего динамить вернейшего сторонника, не допуская его к настоящему веселью!

Нужно поговорить. Серьезно поговорить, а не как обычно у них получается. Вот только Кей оттягивал этот момент, прекрасно понимая, что Куроме не просто так молчит, не доверяя им. Возможно, и правильно делает, ведь вбитое через гипноиндукторы выветрилось далеко не у всех. Да и без гипноиндукторов...

Сам себе Кей бы не доверился. Что он, не знает этого наглого идиота в зеркале с его отрепетированной бесючей ухмылочкой? Отлично знает! Практически как родного!

Но раз маленькая злюка — на деле не такая жестокая, как он себе навоображал (по крайней мере, для своих), то и раскрытие карт с последующим разговором превращается из рулетки смерти в рабочий вариант. Но лучше подходить не сейчас, когда их лидер раздражена и энергична, а после визита во Дворец, где её, кажется, собираются хвалить и награждать.

Да! Пора получить хоть какой-то ответ на накопившиеся вопросы!

...В смысле, хоть какой-то, кроме катаны в грудь или «несчастливого случая». Заставлять дальше уже невозможно.

Примечание к части

Автор и Куроме выражают признательность всем, кто поддерживает текст на Бусте или делает пожертвования на Тёмный Алтарь Печенек.

Хочу прорекламировать понравившийся фик по Бладборну: <https://ficbook.net/readfic/9628550> Кошмар Менсиса. С каноном не особенно знаком, поэтому оцениваю его как самостоятельное произведение в жанре тёмного фэнтези. И мне оно понравилось, хотя в силу малого размера местами показалось непонятным. Если кто-то хочет более подробный отзыв, то я оставил его непосредственно в комментариях фика.

Вот ещё интересное видео про политтехнологии:

<https://rutube.ru/video/69e850cf94f68964d40ca193f60c3c6e/> Много я и так знал, но некоторые вещи стали интересным открытием. Кроме того, в ролике советуют литературу для желающих копнуть тему глубже.

А.Н. — бечено х3.

...когда поезд выехал из туннеля, последнюю печенку кто-то съел. Но кто именно из трёх журналистов? Независимый, честный или продажный?

Кей Ли — красавица. Реально и вдвойне, нет, втройне: у него-то в голове никаких подселенцев с предзнанием немаэ...

<http://tl.rulate.ru/book/57083/5039812>